

A. B. АНТЮХОВ

Комическое в русской провинциальной
мемуарно-автобиографической литературе
второй половины XVIII Века

Komizm w rosyjskiej literaturze prowincjonalnej pamiętnikarsko-autobiograficznej
drugiej połowy XVIII wieku

Среди многообразия жанров русской литературы XVIII века особое место занимает мемуарно-автобиографическая проза.

В обширном корпусе мемуарных источников столетия выделяются жизнеописания, авторы которых — выходцы из провинциального мелкопоместного дворянства, духовенства, чиновной среды. К таким мемуаристам с яркой творческой индивидуальностью относятся А. Т. Болотов, Г. С. Винский, Г. И. Добрынин, чьи автобиографические записки оставили заметный след в отечественной мемуаристике.

Широк и многоаспектен диапазон проблем, которые нашли отражение на страницах их произведений. И, в первую очередь, это жизнь русской провинции с ее повседневным интересом к обыденному. Критическое отношение к действительности, особый тип мировосприятия позволили провинциальным жизнеописателям взглянуть не только скептически на свою жизнь и взаимоотношения с окружающими, но с юмором, иронией оценить и собственную личность.

Особым талантом сатирика-юмориста выделяется Гавриил Иванович Добрынин, в произведениях которого элементы комического имеют черты индивидуальности и творческого своеобразия.

В историю отечественной мемуаристики Добрынин вошел прежде всего как автор „Истинного повествования”, в котором он повествует о службе у севского архиерея Кирилла Флиоринского (Флоренского), затем у генерал-губернатора Ф. Б. Пассека. Мемуарист избирает все

слои русской православной церкви: митрополитов, игуменов, священников, дьячков, монахов, церковных служащих: показывает духовенство и при исполнении религиозных обрядов, и в быту; рисует пеструю картину нравов иноческих обитателей и церковного управленческого аппарата; описывает капризы и прихоти духовных владык и бесправное положение их слуг.

Резко сатирический тон, во многих случаях с элементами гротеска, преобладает в двух параграфах книги Добрынина, названных „Имиены” и „Продолжение и период именин”, где описан пастырский прием (по определению автора — „попойка”) у епископа Кирилла Флиоринского, в результате которого большая часть гостей перепилась „паче рис”, „телесные их лица потеряли образ свойи подобие и поневоле были совершенно духовными”.¹ Опухнув от вина и бессонницы, игумен Тихон Забела получил водянку, от которой скоро „отправился в царство безсмертных”, а брянский протопоп Василий Константинов допился до белой горячки — „по действию диаволу с ума сшол”. Сообщивший об этом проистерствии Флиоринскому священник Соколов подтвердил, что протопоп беспрестанно кричит: „Архипастырь Божий! Помилуй! Я больше пить не хочи!” Соколов заявил, что это неистовство происходит от увлечения науками, на которые настоятель церкви „слишком налегал”. Посланные для детального расследования этого дела лекарь Павел Виц и Гавриил Добрынин обнаружили несчастного протопопа в куче навоза в конском стойле. Внешний вид священника: растрепанные волосы, темновишневые губы и воспаленные глаза, несвязная речь и неадекватные сану поступки — это свидетельствовало о несомненном душевном расстройстве. Увидев посланников епископа, протопоп закричал: „Нет, нет, господа келейники, не удастся вам меня запоить!” и стал отбиваться от врача, предлагавшего микстуру, с ужасом завывая: „Вино, вино, вино!” Пришлось бедного опившегося безумца лечить так, „как поступают коновалы с лошадьми”, то есть посредством слабительного и клистера.

Грандиозную попойку мемуарист сравнивает с битовой, где в качестве военачальника выступает архиерей, а храбрые воеводы и воины — это игумены и протопопы. Их враг — „зеленый змий”, заключений в стаканах, сулеях, полуштофах и бочонках. Так рассуждает не только владыка, но и его подчиненные, бросавшиеся на рюмки, „как железо на магнит”. Битва заканчивается полным поражением стеклянной по-

¹ Г. И. Добрынин, *Истинное повествование, или Жизнь Гаврилла Добрынина, им самим написанная в Могилеве и в Витебске*, Спб., 1872, с. 39.

суды, которая „разогнана по столу”, „ранена”, „в полон ни одна не досталась”.² О трудностях битвы свидетельствует „неистовство” некоторых гостей, в которых „вогнездился злой дух”, в результате чего пришлось читать закл и нательные молитвы. Естественно, что торжество не обошлось без мордобоя, который расследовался уже после праздника, на „трезвую” голову. Гости, или, как их называл Добрынин, „страдальцы”, после окончания десятидневной попойки несколько недель отходили от епископского угощения, с тоской подумывая, что на следующий год праздник („битва” — „пир”) повторится.

Амбивалентна сама сюжетная ситуация: архиерейский двор, который должен быть обителью покоя и нравственности, превращается в питейный дом, кабак, становится местом безпробудного пьянства. Занимаются „пьянственными делами” не кабацкие ярыжки, последние пропойцы, опустившиеся до животного состояния люди „дна”, а пастыри церкви, врачеватели человеческих душ, духовные наставники. Священнослужители заняты „языческим камланием” — поклоняются богу Бахусу, забыв о христианской заповеди: „Не упивайся!”.

С пьяной оргией связан рассказ о посещении архиепископом брянского помещика Николая Андреевича Тютчева. Явный сарказм звучит в пышном и велеречивом зачине рассказа об очередной монашеской попойке: „Праведное небо! Тебе единому известно, сколько здесь пролито, или, лучше сказать, влито, английского пива, бишеву, вина, пуншу! Сие страшное сражение началось при самом приезде вечером и при самой приятной погоде в саду, хотя уже был и сентябрь”.

Сравнивая пир с битвой, писатель продолжает традиции русской и мировой литературы. Здесь чувствуются переключки с описанием гомерических попок бенедиктинского монаха Жана и его собратьев по стакану из „Гаргантюа и Пантагрюэля” Франсуа Рабле, с рассказом о совместной пьянке ямщика Елисея и бога Бахуса в винном подвале у откупщика из ироикомической поэмы В. И. Майкова „Елисей, или раздраженный Вах”.

Утомившийся в тяжелых боях с бутылками архиерей вышел „опочить”, оставив на поле битвы разведчика в лице Гавриллы Добрынина, который добросовестно докладывал возлежащему на мягком ложе „воначальнику” о ходе сражения” „Я донес о сиянии на столе хрусталя, серебра, о числе гостей и о всем великолепии... сколько можно было вскользь приметить... Прибавил я, что видел нашего хозяина, как Юпитера на Олимпе в сонме богов и богинь. „Да какво ж эти боги,

² Там же, с. 38.

— спросил архиерей, — нападают на нектар и амброзию? — Без пощады, — отвечал я, — стык ложек, ножей и вилок похож на пальбу беглым огнем”. По таком подобном сему празднословии архиерей сказал мне напоследок: „Ну, принимай же свечи, поди, окамчивай свое любопытство, как там боги ядят”.³ Диалог этот выполнен в традициях ироикомиического повествования, когда об обыденном и низком говорят высокими словами, используя возвышенно-поэтическую лексику и ангичную образность („Юпитер”, „Олимп”, „сонм богов и богинь”, „нектар”, „амброзия” и.т.п.).

Следствием чрезмерного злоупотребления винно-водочными изделиями стал конфуз, случившийся с епископом Флиоринским. Мемуарист создает комическое и в то же время натуралистическое описание протрезвевшего архиерея, проснувшегося в чужом доме в загаженной им постели. Грубый и наглый в общении с келейником, он неожиданно для Добрынина становится робким, застенчивым, как только обнаружил на ложе содержимое желудка и кишечника. Жизнеописатель с комором передает испуг преосвященного: „Он кликнул меня весьма скоропостижно и очень негромко. Со всевозможной скоростью сказал он мне сидя в постели: „Не впускай никого!”.⁴ Келейнику все стало ясно без слов, как только он „опутил неприятный запах”, поэтому он тотчас принял меры предосторожности, „расставил караульных”, запретив им впускать в комнату кого бы то ни было. Мемуарист, перефразируя поговорку, вспоминает, что владыка наделал ему „хлопот полон... нос”, и со всей откровенностью описывает содержание архиерейских штанов, процесс омовения „обделавшегося” владыки с помощью таза, воды, угиральников, душистого спирта.

Показательно, что эти натуралистические записовки созданы в период господства в отечественной литературе сентиментализма с его культом прекрасного, возвышенного, высоконравственного, духовного. Грубый натурализм, сатирическое освещение бытия в „записках” Г. Добрынина противостоят сентиментальному направлению в развитии искусства и прокладывают дорогу реалистическому изображению действительности. В то время когда Иван Дмитриев пел об изящном успении страстного сизого голубочка, Гавриил Добрынин демонстративно выворачивал наизнанку нижнее белье обгадившегося с перепоя севского архиерея.

³ Там же, с. 85.

⁴ Там же, с. 88.

Комический натюрелизм Добрынин использует не только для описания „подвигов” духовных лиц, но и рассказывая о „похождениях” аристократов. Молоденькая генеральша фон Бринк, влюбившись в чиновника Полянского, убежала из дома и подала в наместническое правление прошение о медицинском освидетельствовании ее престарелого мужа на предмет возможности исполнения им супружеских обязанностей, облачив просьбу в романтические фразы типа: „муж ея лишен того небесного огня, по которому одному человек называется бессмертным и прочая”. С откровенным юмором пишет Г. И. Добрынин о колебаниях генерала перед медицинской комиссией и полицейскими чинами, требовавшими от него снять штаны и представить доказательства наличия „исправного инструмента” для исполнения обязанностей мужа: „Между тем, генерал сближал уже руку к штанному поясу, но вдруг вскричал, как бы опомнившись, нечаянно: „Да нет! Можно и не свидетельствовать! Так! Точно так! Можно! Можно! Я перед свадьбою моею выдал мою девку за парикмахера Гейслера. Подите к нему и спросите: сколько его молодая жена привела к нему детей? Вы увидите там троих, почти každолетков”. Наконец, опомнившись и обидевшись за свое мужское достоинство, бравый генерал, как и подобает храброму воюке, ухватился за висевший на стене карабин и пообещал „перевернуть” прикладом всю высокую комиссию эскулапов и переломать их клистиры. Комиссия приняла слова генерала очень серьезно: „Весь свет вериг, чем человек простее, тем слова его вернее. Испытатели естества Бриикова не рассудили дожидаться опыта сей верности”. Комиссия, учрежденная для проверки мужской потенции генерала, с позором бежала.

Натуралистические описания характерны для творческой манеры Добрынина-сатирика. В его записках рассказывается, например, о том, что пьяный чиновник Счетниев, решив покончить счеты с жизнью, избрал оригинальный способ самоубийства, попытавшись „отхватить себе пожом тех частей тела, без которых человек ни мужчина, ни женщина”.⁵ Медицина оказалась на высоте: врачи сумели пришить к месту эту часть мужского тела.

Комический натурализм не был новым явлением в русской литературе восемнадцатого столетия, достаточно вспомнить стихи Ивана Баркова и „русскую эрату” того времени. Новым было появление низкого, подцензурного начала в прозе, да еще в изображении невымышленных, а реально живших людей, часто облеченных чинами, титулами, регалиями. Добрынин поэтизирует телесное, биологическое в челове-

⁵ Там же, с. 270.

ке, тем самым показывая, что у Флиоринского, фон Бринка, Счетнева и „иже с ними” животное начало преобладает над духовным. Натурализм описаний в комических сценах имеет и социальный подтекст, свидетельствуя о демократизме позиции мемуариста, по интеллекту, работоспособности и таланту превосходящего „князей мира”, но вынужденного служить им в силу своего низкого социального происхождения.

Нравы церковных и светских властей выписаны в записках Добрынина колоритно и ярко. Кирилл Флиоринский в церкви „поливает матом” прихожан, беседуя с епископом Анатолием Мелесом, „припускает” такие слова и выражения, что в тексте их приходится передавать с помощью многоточий. Как анекдот воспринимается рассказ Добрынина о проделке откупщика Чирьева и асессора Колбасова. Последний, прося у откупщика привезти из Петербурга кое-какие мелочи, закончил записку „сими словами”: „А я твою жену в п. . . поцелую”. Чирев подал жалобу в Сенат, откуда последовала странная резолюция: „Выяснить, иш каких чинов или состояния асессор Колбасов”. Язвительный Добрынин добавил: „Балагуры догадались, что Сенат подозревал, не от собак ли происходит Колбасов”.⁶ Манерные слова и выражения обычны для записок Добрынина, не считавшего нужным скрывать „речения”, слышанные им в духовном и чиновном обществе.

В этом ряду натуралистических подробностей стоят и двусмысленности, возникавшие в человеческом общении и введенные ироничным Добрыниным в текст мемуаров. Так, писатель рассказывал, что однажды он с женой помещика Соколова обсуждал юридические вопросы, связанные с наследством: „Мы отошли подальше от всех и сели в углу на софе, а Соколов вслед нам и пропустил сказать: „Смотри же, господин молодчик, не сведи-то жены моей с ума!” — „Не извольте опасаться, — отвечал я, — мы в ваших глазах на этой софе все кончим, что нам надобно будет!”. Добрынин признается, что случайно вырвавшийся у него двусмысленный ответ вызвал дружный смех окружающих.

Излюбленный примен Добрынина-сатирика — прием „маски”, то есть создания двуличного образа, который использовали все русские сатирики, начиная с Антиоха Кантемира. Суть приема в том, что писатель создает словно два портрета одного и того же лица, по-разному ведущего себя в официальной и неофициальной обстановке. Так, Кирилл Флиоринский перед паствой изображает доброго наставника, духовного отца мирянам и священникам. Эта маска исчезает в кругу подчиненных: „иному трикириями бороду подддет, иному клок волос вырвет,

⁶ Там же, с. 61.

иному кулаком даст в зубы, иному пхнет ногою в брюхо. Все сие делает он при чрезвычайном на всю церковь крике бранными словами".⁷ Писатель язвительно замечает: „Можно сказать, что он тогда похож бывает на храброго воина, отбивающегося от окрыживших его неприятелей”.⁸ В иной маске — бесшабашного кутилы, бабника — он выступает в общении с собратьями-архиереями, хвастаясь, что его „велено судить за взятки, за грабежи церковные, за б. . . , да он не робеет”.⁹

На поэтику комического в записках Добрынина существенное влияние оказали традиции разных сатирических жанров, которые входили в мемуары на правах первичных жанрообразований. Это прежде всего литературный анекдот, утвердившийся в России в середине XVIII столетия. Под анекдотом в то время понимали короткий комический рассказ устного характера, в центре которого находилось неожиданное событие, явление, лицо или ловкая фраза, выпадающие из повседневного течения жизни, из бытовой или языковой нормы. В киево-Могилянской академии профессора и слушатели задали Кириллу Флиоринскому каверзный вопрос: „Если бы турок или жид тонули вместе с христианином, то которого из них скорее должно спасать?”. Архиерей отвечал: „Которого попало!”.¹⁰ Разрешение анекдотической ситуации происходит в финале. Завершение анекдота не просто неожиданно, оно непредсказуемо, ибо прямо противопоставлено основному содержанию рассказа. По логике, христианин должен первым спасать, христианина, затем менее грешного мусульманина, а уже потом, если будет время, иудеиста. Флиоринский разрушил этот стереотип. Алогизм его ответа создает комический эффект.

Сатира Добрынина имеет явные переклички с русской демократической сатирой XVII–XVIII веков. Обращение мемуариста к традиционным объектам сатиры, классическими памятникам русской сатирической литературы свидетельствует не только о высокой образованности писателя, но и о живучести пороков социальной действительности. Особенно заметны переклички записок Добрынина с „Калязинской челобитной”, памятником русской сатиры XVII века. Мемуарист рассказывает, что в Севский монастырь из Москвы был прислан новый архимандрит Пахомий, „муж старый до дрялости, в подагре. Не успел еще он осмотреться, как уже братия и вознегодовала на него за нарушение прежних монастырских обыкновений:

⁷ Там же, с. 343.

⁸ Там же, с. 92.

⁹ Там же, с. 34.

¹⁰ Там же, с. 38.

1) что он в праздничные и торжественные дни не просит братию к себе на водку;

2) что уничтожил печение по субботам блинов, а по воскресеньям пирогов”.

Как и в „Калязинской челобитной”, Добрынин описывает бунт монахов против архимандрита, запретившего прежние монашеские „вольности” — пьянство и обжорство. Естественно, что монастырский служака Семен Мальшев, прославившийся тем, что по его доносу был взят и пытан в Тайной канцелярии воевода Борноволков, поднял крик, уверяя, что, отменив водку, блины и пироги, архимандрит совершил богопротивное дело и, может быть, замыслил что-то худое против государя. Служка Мальшев подговаривал монахов „закричать” против Пахомия „по первому и второму пункту”, то есть обвинить его в оскорблении Бога и государя. Малолетний Добрынин, поразмыслив над его словами, решил, что „1-й пункт значит запрещение печь блины, а 2-й — пироги, винил в . . . мыслях без пошады архимандрита за такое преступление”. Бунт закончился тем, что Семен Мальшев прокричал „слово в дело” в провинциальной канцелярии Севска и вместе с архимандритом и свидетелями-монахами был отправлен для следствия в Тайную канцелярию.

Тематически сатирические зарисовки Добрынина близки к журнальной прозе Н. И. Новикова. Если знаменитый сатирик сообщает о поездке „для просвещения разума” в Европу „молодого российского поросенка”, возвратившегося домой „совершенно свиньей”, то мемуарист язвительно пишет о Кирилле Флиоринском, побывавшем в Париже, „о котором некоторые вояжеры рассказывают, что там и ослы педерождаются в подобные им манежные лошади”. Новиковской сатирой веет от рассказов Добрынина о дворянине, занимавшемся „героическими подвигом — псовой охотой, наилучшим в природе даром — любовницами, способом к поощрению ума, к приобретению знакомства и друзей картами”. Эти традиционные объекты сатирического изображения имеют, с одной стороны, этологический, с другой — социальный характер.

В мемуарах Г. И. Добрынина явно ощущается и влияние сатиры И. А. Крылова, в частности, его повести „Каиб”, где осмеяны тыпоголовые академики, завидующие говорливости и разуму попугаев. В „Истинном повествовании” есть сатирический портрет академиков, которые „питаются очень жирно и не приносят государству ни на булавочную головку, кроме задач, праздностью порожденных”. Общие мотивы прослеживаются в басне И. А. Крылова „Ворона и курица”, на-

писанной в 1812 году, и в высказываниях Г. И. Добрынина о Витебске периода французской оккупации, где не было слышно „колокольного звона и пенья петухов, ибо первый был запрещен, а второй был съеден”.

В целом анализ комического в мемуарно-автобиографической прозе второй половины XVIII века, в том числе и в автобиографических записках Г. И. Добрынина, подтверждает, что идет активный процесс формирования индивидуально-авторских стилей, процесс демократизации словесного искусства, а также взаимодействие жанров документальной письменности и художественной литературы, воздействие высоких образцов сатиры на творчество писателей второго плана, сближение литературы с „правдой жизни”.

KOMIZM W ROSYJSKIEJ LITERATURZE PROWINCJONALNEJ PAMIĘTNIKARSKO-AUTOBIOGRAFICZNEJ DRUGIEJ POŁOWY XVIII WIEKU

Memuary i proza autobiograficzna zajmują znaczące miejsce w systemie gatunkowym literatury rosyjskiej XVIII wieku. Wśród twórców uprawiających te gatunki zwraca uwagę dorobek G. J. Dobrynina, zwłaszcza utwór *Istinnoje powiestwowanije*, w ramach którego element komiczny zyskuje oryginalny kształt. Przeprowadzone analizy potwierdzają, iż w tym okresie trwa proces demokratyzacji literatury, a także ujawnia się wpływ wzniosłej satyry na twórczość pisarzy drugorzędnych, co sprzyja zbliżeniu literatury z życiem.